

РОЙ

ОЛЕГ

ИМИТАТОР

ДВАЖДЫ ДВА ВЫСТРЕЛА

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Р58

Рой О.

Р58 Дважды два выстрела / О. Рой. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 336 с. — (Имитатор).

ISBN 978-5-521-91919-2

Опер Шубин имитирует собственное убийство, чтобы привлечь внимание к странным, на его взгляд, делам. Арине необходимо понять, как связаны разрозненные, казалось бы, дела Шубинского архива.

Полюбившаяся читателям следователь Арина Вершина становится еще ближе — топовый книжный детективный сериал Олега Роя «Имитатор» выходит в Rugar!

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-521-91919-2

© Олег Рой, 2022
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ПРОЛОГ

* * *

Файл: bezimeni

Создан: 01:01 01.01.01

Изменен: 23:17 21.07.08

В бледно-зеленой воде мраморного бассейна кровь растекается розовыми облаками. Словно отсвет гаснущего над крышами соседних вилл заката. Мне нравятся такие... повторы. Эхо, зеркальные отражения, рикошеты. Даже если они — просто совпадения, именно они превращают жизнь (и смерть, разумеется) в искусство. Так в рублевской «Троице» гора и дерево

на заднем плане повторяют изгиб плеча одного из ангелов. Рифмуются с ним.

Крови много, поэтому лицо девушки сияет настоящей мраморной бледностью. Сейчас она даже красивее, чем была при жизни. Ей повезло. Она умерла молодой, красивой и – счастливой. Потом-то у нее все было бы гораздо хуже. Жизнь неплохо обламывает таких красивых дурочек, уверенных, что красота – пропуск в рай. Надо быть дурочкой, чтобы отвечать на чувства глубоко добропорядочного семьянина, который вовсе не собирается уходить от жены и детей, – даже если он покупает тебе виллу (честно сказать, довольно маленькую) на побережье Адриатики. Звучит зато красиво: вилла на побережье Адриатики. С бассейном! Крошечным и пресным, хоть и мраморным, мрамор в этих краях дешев. Конечно, дурочка.

Добропорядочный семьянин обнимает свою дурочку, прижимает к себе, словно баюкает. Кажется, даже что-то бормочет. Не понимает, что произошло.

Так все было прекрасно: вилла – как морская раковина, и в ней – жемчужина, его прелестная беби. И вдруг – бездыханное тело, кровь, кровь, кровь... Очень много крови. Откуда? Он хмурится, пытается вспомнить – и не может. А вот не надо транквилизаторами увлекаться, таблетки и пилюли не решают проблем. Господа психиатры, вероятно, именно на этом свой вердикт и построят. Запутался добропорядочный семьянин и разрубил «узел» одним ударом. Хотя – не одним, ох, не одним. Почему-то множественные ранения трактуют всегда не как эффект (что логично), а как «особую жестокость». То есть убил добропорядочный семьянин свою обожаемую красотку с особой жестокостью.

Очень красиво, я считаю.

Жена у него, кстати, тоже красивая. Ей пойдет черное. Хотя, постой, здесь нет смертной казни, значит, вдовой ей не бывать еще долго. С юридической точки зрения. Фактически же — вполне, вполне. Сидеть добропорядочному семьянину — за убийство, совершенное с особой жестокостью — пожизненно. И скорее всего — в какой-нибудь специальной, для таких, как он, психушке.

Я думаю, красивее всего было бы, если бы добропорядочный семьянин, терзаемый страшными воспоминаниями, в этой самой психушке собственноручно — нет, не повесился, а — зарезался. Например, обломком пластиковой ложки. Но, во-первых, это вряд ли, во-вторых, меня это уже не касается.

Мне пора. Скоро здесь будет очень много людей.

* * *

13 октября 2016 года

К середине дня на город навалился нудный серый дождь. В его мокрых сумерках витрины светились особенно праздничным блеском: леденцово-желтым, льдисто-голубоватым, блекло-оливковым. Сияющий куб художественной галереи напоминал шкатулку с драгоценностями. Внутреннее пространство, превращая его не то в странный белый лабиринт, не то в диковинный гигантский кристалл, заполняли неожиданные белые плоскости — перегородки, колонны, выступы. И на каждой светилась картина. Будто окно в другой, прекрасный мир — яркий, цветной, завораживающий. Таким же, только побольше, окном казалась и афиша под козырьком замыкавшего чере-

ду светящихся витрин крыльца: «Волшебные миры Софи Бриар». Слова рамкой окружали снимки таких же афиш. Только маленьких и надписи на них были иностранные — немецкие, чешские, английские, французские.

За высокими стеклянными дверями виднелся не-большой темноватый холл, где уже топтались некоторые из тех, кто ждал открытия выставки.

Но кое-кто медлил входить. Прячась от дождя под защищавшим окна галереи карнизом, терпеливые ценители вглядывались сквозь витринные стекла в белый лабиринт с сияющими картинами.

— Идет, идет, — прошелестело среди тех, кто ждал снаружи.

Внутри белого лабиринта появилась девушка — невысокая, темноволосая, в летящем, вроде греческой туники, светлом одеянии и таком же легком шарфе, поддерживающем прическу — тоже как у античных статуй. Она шла, огибая колонны и перегородки, то пропадая за ними, то появляясь так быстро, что казалось — девушек две, а не одна.

Дзынь!

Одна из витрин вдруг осыпалась каскадом звенящих осколков, и гигантский светящийся кристалл мгновенно погас. Точно исчез.

Изумленные, испуганные голоса смешались с топотом множества ног.

Когда — через минуту или через год — галерея вновь засияла привычным блеском, ее пространство как будто сузилось, сжалось, впуская в себя людей. Кто-то вбежал из холла, кто-то прямо с улицы, через разбитое стекло. Светлый ковролин там и сям испещрился мокрыми темными следами....

Вспыхнувший свет точно заставил всех замереть — на бегу, в странных, неловких позах.

Все головы, все глаза, все взгляды сосредоточились в одной точке. Там, среди картин, статуй и причудливых инсталляций резко выделялась еще одна — как центр всей экспозиции, которого минуту назад еще не было. Казалось, сейчас раздастся голос экскурсовода:

— Обратите внимание на эту двухфигурную скульптурную композицию в античном стиле...

Да, девушек действительно было две. Но теперь они никуда не двигались. Одна сидела на полу, другая лежала подле. Точно еще одна скульптура: настоящие люди не могут быть настолько похожи — до последнего волоска строгих причесок, до кончиков бледных ногтей. И настолько неподвижны. Фигуры могли бы показаться каменными, но складки их очень светлых, свободных, почти невесомых одеяний все время менялись, двигались, переливались под дыханием врывавшегося в разбитую витрину влажного ветра.

* * *

28 октября 2016 года

«За период с...»

Он открыл одну из лежавших слева папок. Бумага выцвела неровно. Дата на первом листе стояла именно та, что он помнил. Будто он мог забыть! Но привычка к аккуратности заставила проверить.

«...мною были совершены следующие убийства...»

Он поморщился. Ручка царапала бумагу. Слова выходили корявые, неровные. Тоже как будто царапающие. Протоколно сухие. Словно чужие.

Хотя почему — словно? Он мысленно усмехнулся. Слова и в самом деле были чужие. Вынужденные.

Писать было неприятно, неловко, тяжело. Может быть, все-таки можно сделать еще что-то?

Впрочем, выбора у него не было — и это было так же ясно, как бледные звезды за распахнутой балконной дверью.

Фамилий было семь. Он зачем-то пересчитал их. Смысла в этом было еще меньше, чем в проверке календарных дат. Семь, сколько ни считай.

Может, все-таки попробовать... ну хотя бы попытаться...

Стук отброшенного в угол пистолета прозвучал куда громче слабого хлопка выстрела.

Но этого он уже не услышал.